

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ОРГАНИЧНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ВИРТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В.И. Игнатьев, Е.В. Комф, А.И. Крейк.
Новосибирский государственный
технический университет

ignat@fgo.nstu.ru
zk.08@mail.ru
socio@fgo.nstu.ru

В статье проблемы модернизации современной России предлагается анализировать на основе выявления особых институциональных регуляторов – «виртуалов». «Виртуаль» рассматриваются как устойчивые, ожидаемые модели социальных практик, которые интегрируют актуальные и потенциальные угрозы повседневного поведения в единую картину будущего состояния социума. Управление «виртуалами» позволяет преодолеть разлом между социальной реальностью и социальной действительностью.

Ключевые слова: институциональные регуляторы, «виртуал», социальная реальность и действительность, социальное пространство, информационный резонанс, модернизация.

Пройдя различные этапы своего развития, Россия находится в настоящее время в состоянии транзитива, пытаясь модернизироваться в соответствии с фундаментальными тенденциями своего цивилизационного развития и реагируя на влияния (иногда это называют «вызовом») окружающей среды. Как известно, многие масштабные и радикальные социальные изменения, которые, как и революции, «затрагивают все уровни и сферы общества», могут осуществляться путем модернизации, что предполагает превращение локального общества в общество современного типа, не затрагивая его качественной специфики. В этом случае осуществляется трансформация и фундаментальных оснований общества, эволюционно меняя содержание его форм.

Несмотря на отсутствие единого подхода к пониманию модернизации, она рассматривается преимущественно сквозь

призму различных сценариев будущего России¹. Необходимость же модернизации предопределяется тем, что только в политической сфере России наблюдается множество опасных для стабильности системы факторов. Они, в частности, следующие: системная коррупция, низкий уровень политического участия граждан, невыполнение представительными органами власти своих функций репрезентации интересов всех слоев населения. Утверждается, что российская политическая система не способна агрегировать реальное множество интересов различных социальных общностей². Не лучше ситуация и в других сферах российского общества.

¹ Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социс. – 2010. – № 12. – С. 30.

² Каневский П.С. Проблемы российской модернизации: элиты, общество, мировой кризис /

Поэтому специфика сложившейся в России ситуации предопределяет необходимость реализации модели органичной модернизации, которая предполагает опору на потенциал самоорганизации российского социума. Для России органичная модернизация означает качественное, охватывающее все сферы жизнедеятельности, все уровни организации общественной и политической жизни, обновление общества по вертикали и горизонтали. Целью подобной модернизации является построение справедливого, в полной мере реализующего творческие и предпринимательские способности россиян, общества, достижение современного уровня производственно-экономического потенциала, ясное самоопределение России в глобальном политико-экономическом пространстве. Органичная модернизация должна осуществляться на основе инициативы различных социальных групп, возможно даже ранее не вступавших во взаимодействие, образовывать совершенно новые коалиции и формы объединений на основе созревших внутренних потребностей.

Реальность такова, что различные модернизационные сценарии будущего России как единой цивилизации рассматриваются и властными структурами, и рядовыми гражданами сквозь призму собственных интересов и предпочтений. Этому в немалой степени способствует идеологическая неопределенность провозглашенного курса на модернизацию, оставляющая различным слоям и группам общества возможность примерять этот курс «на себя», свои ценности и взгляды, а также многозначность самого термина «модернизация». Содержание, вкладываемое россиянами в это

понятие, оказывается трудно отличимым от общих представлений о будущем России в целом, о том, к каким стратегическим целям следует стремиться и какими приоритетами на данном пути руководствоваться. Причем цель – создание современного государства с соответствующим уровнем производства и качеством жизни, формирование общества, характеризуемого демократией и высоким уровнем гражданской культуры населения, – не вызывает больших разногласий среди населения России³.

Все вышеизложенное демонстрирует состояние институционального кризиса российской цивилизации. Почему именно институционального? Потому что именно институциональная система, где каждый социальный институт выполняет свою выкристаллизовавшуюся в процессе общественного развития социально значимую функцию, обеспечивает воспроизводство социума. Неблагополучное состояние всех сфер российского цивилизационного пространства как раз и обозначает ситуацию всеобъемлющего институционального кризиса.

Следовательно, модернизацию России необходимо осуществлять как институциональную модернизацию. А это предполагает эволюционные изменения всей институциональной системы социума: и институциональных комплексов (институциональных регуляторов и институциональных форм организованности), и выполняющих свои функции социальных институтов. Изменить институциональную систему социума, казалось бы, труднодостижимая цель для обозримого будущего. Но она осуществима для российского общества. Она осуществима в принципе потому, что мировая

П.С. Каневский // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 19.

³ Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки. – С. 32.

история дает нам примеры подобных институциональных прорывов. В частности, Япония, Южная Корея, Тайвань показали: «информация, управление и организация, как могучие «локомотивы» прогресса, умчали» их в новую цивилизацию⁴. Она осуществима потому, что, как было уже отмечено, большинство россиян солидарны относительно цели модернизации. И этот фактор в условиях информационного общества может оказаться решающим в институциональной модернизации России. Дело в том, что в институциональной системе информационного общества институциональные регуляторы (ценности, аттитюды, нормы, роли, статусы, жизненные цели и т. п.) приобретают особую значимость.

Эта значимость определяется тем, что тотальность и многообразие информационных потоков способны всепроникающим образом осуществлять повседневное регулятивное воздействие на людей, формируясь и утверждаясь в структурах их подсознания в виде *habitus*'ов, трансформация *habitus*'ов ведет к трансформации социального пространства, которая организуется с помощью социальных институтов.

В социологии категория «социальное пространство» служит для фиксации организованности социальной жизни, что в социологическом видении трактуется как упорядоченное взаимодействие некоторого множества индивидов-акторов. Традиция такой интерпретации социального пространства была заложена Ф. Ратцелем, Г. Зиммелем, Э. Дюркгеймом, Р. Парком, П. Сорокиным, П. Бурдьё, М. Кастельсом и др. Единство и целостность социального пространства как системы интеракций в

форме институтов основано на разделении труда, солидарности в той же степени, как и на противоречии групповых интересов, социальных конфликтах, политических кризисах, войнах и революциях. Однако единство и борьба противоположностей не раскалывает социальное пространство, поскольку лежит в основе его целостности. В результате разрешения социальных конфликтов социальное пространство не распадается, а трансформируется. Новая форма социальной жизни, только мыслимая до разрешения конфликта как новая «картина реальности», становится после трансформации системой актуальных и господствующих практик-институтов. Наличие этих двух структур социального пространства – мыслимого и действительного (актуального) – не фиксировалось в известных нам концепциях социального пространства. Так, у Г. Зиммеля понятие социального пространства связывается с взаимодействием между людьми. Единое пространство делится на части – отдельные пространства, каждое из которых уникально⁵. По П. Сорокину, социальное пространство – это совокупность связей между группами и положений их и индивидов в группах⁶.

По П. Бурдьё, пространство – совокупность действующих свойств, взаиморазмещение свойств. Поэтому пространство есть взаимодействие. Оно представляет собой поле, т. е. взаимозависимость, систему. «Узлы» этой системы – сети, есть позиции, рожденные в итоге схождения нескольких свойств. Так образуются социальные статусы – *topos* и роли как совокупности

⁴ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – С. 7.

⁵ Simmel G. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung* / G. Simmel // Gesamtausgabe. Bd 11. – Frankfurt a. M.; Suhrkamp. – P. 689–690.

⁶ Сорокин П.А. Система социологии. – Т. 2. – 1920. – 482 с.

действий. Социальное пространство – это структуры рядоположенных социальных позиций⁷.

В своих исследованиях информационного общества М. Кастельс обнаружил перемены в организации социального пространства, которые он назвал пространством потоков: это материальная форма поддержки процессов и функций, доминирующих в информационном обществе. Это пространство основано на цепях электронных импульсов, состоит из узлов и коммуникационных центров и поддерживается пространственной организацией доминирующих менеджерских элит⁸.

Все существующие концепции социального пространства сводятся к демонстрации механизмов, на основе которых «движутся» индивиды и занимают позиции в этом пространстве сообразно шаблонам, предлагаемым им обществом. При этом в поле исследования отсутствует картина генезиса этих шаблонов как образцов и направлений движения. Образцы есть составные части, фрагменты некоторого мыслимого образа, проекта общества, следование которому означает жизнь индивида в обществе. Однако эта картина – видимость, иллюзия, искаженное описание скрытой за образами, мифами и ложными знаниями действительного существования общества. Мы предлагаем различить и отделить видимость социальной жизни как «социальную реальность» от «социальной действительности» как действительного, фактического, практического ее содержания, скрытого от

наблюдателя, живущего в мире повседневного опыта, формирующего картину «здорового смысла»⁹. «Социальная реальность» – это социальный мир, в котором непосредственно живут люди, и мир, который они видят таким, каков он на картине «социальной реальности». На картине «социальной реальности» представлены в неразрывном единстве наблюдаемые явления социальной жизни и мысли-образы, объясняющие единство этих явлений. Это мир желаемого, ожидаемого, мифического, отдаленно напоминающий его основу – социальную действительность. В этом мире люди – творцы и конструкторы разнообразных социальных форм, большинство из которых не могут состояться, так как они противоречат социальной действительности. Поэтому мир социальной реальности – это вероятностный, неустойчивый, эфемерный мир. Обозначим его как «виртуальную социальность». Тогда как социальная действительность, как имеющая место быть, это мир актуальный, т. е. действительно состоявшейся социальной жизни. Определим ее как «актуальную социальность».

Всю историю человечества социальная реальность выступала оболочкой, за которой от людей скрывалась социальная действительность. Но это было органичное единство формы и содержания, обеспечивавшее целостность социального пространства. Социальное пространство предлагаем определить как единство социальной реальности и социальной действительности (внешнее и внутреннее) и как способ подчиненности его виртуального действия действию актуальному. Всегда виртуальное было посредником, включенным в дей-

⁷ Bourdieu P. Espace social et genese des classes // Actes de la recherche en sciences sociales. – № 52/53. – 1984. – P. 3–14.

⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под научн. ред. О. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – С. 386.

⁹ Игнатъев В.И., Кузин С.А. Реальность как иллюзия действительности: к диагнозу состояния института образования // Философия образования. – № 3 (32). – 2010. – С. 57–65.

ствие, подчиненным ему, не равным практическому действию. С наступлением информационно-эпохи отношение между виртуальным и актуальным заменяется на равный баланс. На наш взгляд, произошла трансформация базовой «клетки» системы действия, она превратилась в систему актуального и виртуального действия¹⁰.

Виртуальное в действии субъекта необходимо рассмотреть не просто как мысленное (мысль) и мыслимое субъектом (действие, направленное на мысль), а мысль (наблюдение) о том, как он действует. *Актуальное* в действии – это то, что может быть различено и соотнесено с мыслью-действием как событием действия, которое осмысливается действующим субъектом¹¹.

В чем причина такой радикальной трансформации системы-действия?

С середины XX в. происходит экспоненциальный рост информации. Он породил эффект, который можно назвать «информационный резонанс»¹². В чем его суть?

¹⁰ Впервые как концепт эта система была зафиксирована в книге «Системно-генетическая динамика социума» (2007) и как концепция изложена в книге «Социальная система как информационное взаимодействие» (2009). Подроб. см.: Игнатьев В.И. Системно-генетическая динамика социума: монография / В.И. Игнатьев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. – 296 с.; Игнатьев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатьев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – 308 с.

¹¹ Игнатьев В.И., Степанова А.Н. Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – № 3. – 2010. – С. 91–104.

¹² Ignatyev V. The Virtual Social Action: Social World System Collapse or New Social Order? // Future Moves. Markets, Politics, and Publics in Global and Comparative Perspective. – XVII World Congress of Sociology, Gothenburg, Sweden, 11–17 July, 2010. – P. 47–48.

Рост объема информации ведет к возникновению процесса самопорождения символического, воображаемого социального мира («социальной реальности»), к самопорождению независимых от социальной действительности ее новых возможных форм. Воображаемый мир все более возникает «до» действительности, картины реальности становятся все более сложными и не соответствующими действительности. Из «материала» постоянно растущих образов рождаются и новые образцы возможных социальных практик, провоцирующие их конкуренцию с устоявшимися формами социальной действительности. Так, актуальное социальное действие приходит в противоречие и столкновение с виртуальным действием. Мир-система виртуальных действий начинает отрываться от системы «актуальное–виртуальное» и начинает свою собственную жизнь. Происходит формирование альтернативного, параллельного социального пространства, возникают новые, антиинституциональные нормы.

Устойчивый и нарастающий избыток информации порождает аномно – переизбыток моделей для выбора ролевого поведения¹³. Информация как ресурс готова выполнить функцию индивидуально-средства целедостижения, позволяет актору ориентироваться не на другого, а на создаваемый им самим нормативный порядок. Перманентная и нарастающая аномия спровоцирована ростом информационных потоков. Наступает *информационный резонанс*. В этом случае практика актора обусловлена не социально, а индивидуально. Возникает новое – виртуальное – со-

¹³ Giddens A. The Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives / A. Giddens. – London, 2002. – 104 p.; Lash S. Critique of Information / S. Lash. – London, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 2002. – 306 p.

циальное. Источником социальных норм и контроля становится особое *параллельное социальное пространство*, которое можно обозначить как «виртуал». Виртуальное пространство становится автономным, перестает быть посредником внутри системы социального взаимодействия. «Виртуал» – это устойчивая ожидаемая модель будущих социальных практик. В этом конструкте как бы «схлопываются» и «отнесение к ценности» М. Вебера, и картина мира, он интегрирует и пронизывает систему *habitus*'ов человека, объединяя их в целостную структуру, которая и является духовно ориентирующим активатором повседневного поведения людей в социуме. Причем виртуалы – это не абстрактные универсалии, а целостные структурные схемы, сложившиеся в повседневной деятельности человека и реально обслуживающие его повседневную деятельность своим регулятивным воздействием и, в свою очередь, изменяющиеся под воздействием повседневных практик. Их праксеологическая функция – повседневное «продвижение» (обеспечение) функционально оптимального поведения человека исходя из совокупности его жизненных ориентаций и жизненных сил. Именно виртуал как совокупный интегрирующий конструкт обеспечивает устойчивость стереотипных реакций человека в условиях повседневности. Виртуал – это продукт социального бытия индивида и, в то же время коллективного бытия «его группы».

Виртуальное превращается из социальной реальности (как воображаемого, фантастического социального мира) в особую, другую социальную действительность. Свидетельством появления этой «другой» действительности стали феномены, обнаруженные Ж. Бодрийяром и названные им

«симулякрами»¹⁴. Симулякр – это беспорядочное взаимодействие людей и вещей, обусловленное нарастанием информационного потока. Бытие личности оказывается симулятивным псевдоподобием. Симулякр – знак, или неполная актуализация явлений эмпирической действительности, – продукт тотальной экспансии информации. Практики посредством симулякров кажутся человеку альтернативой традиционному порядку.

Информационный резонанс представляет собой «волну», разрушающую социальное пространство: растет дифференциация и умножение количества мыслимых (воображаемых) миров социальной реальности, превращающихся в действительные миры; возрастает аномия и полиориентация акторов; возникают «зоны резонанса» – страты альтернативных социальных миров (пространств); растут конфликты и дезинтеграция традиционного пространства социальной действительности. Возникает эффект, который можно назвать *«пространственный разлом»*.

Волна информационного резонанса порождает и 4 стадии разлома социального пространства:

- 1) стадия накопления критической массы социальной информации;
- 2) стадия скачка в росте информации и появление зон информационного резонанса;
- 3) стадия конфликта, дезинтегрирующего социальную действительность, и роста виртуальных страт и их агентов – акторов разлома;
- 4) стадия дифференциации (распада) социального пространства на множество.

¹⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

Социальные институты: рынок, фирма, государство, политические партии, университет, наука – перестают быть социальной действительностью и переходят в пространство социальной реальности. Социальные институты как совокупность норм существовали автономно от индивидов и представляли собой «социальную действительность». Теперь же, когда следование нормам и исполнение ролей может быть виртуальным, социальные институты, теряя свою власть над индивидом, становятся образами, но образами «в действии», т. е. превращаются в «виртуальную действительность». «Виртуальная действительность» включает три характеристики: нематериальность воздействия, условность параметров, эфемерность. Эффект следования институциональным нормам достигается путем создания образов – симуляторов реальных вещей и поступков; образы симулируются в зависимости от трактовки их участниками взаимодействия по ситуации¹⁵. Этот разрыв между устойчивостью структуры и действиями, зафиксированный ещё Э. Гидденсом и П. Бурдьё в их концепциях сложного характера поддержания единства действия и структуры, в эпоху информационной цивилизации требует фокусирования внимания на возникновении новой социальной действительности – виртуальной и виртуального пространства. Таким образом, в условиях современного общества можно только чисто информационным целенаправленным воздействием на людей изменять их регулятивную систему. Причем эта система регуляторов, «вырастающая» из повседневной практической деятельности людей и одновременно формируемая извне и из-

¹⁵ Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – С. 190.

меняющая поведение человека, становится в своей совокупности своеобразным «виртуалом». Авторы предлагают рассматривать модернизацию российского общества как процесс направленных институциональных изменений, задаваемых таким регулятивным институциональным конструктом, как «виртуал». Введение понятия «виртуал», предлагаемое одним из авторов данной публикации (В.И. Игнатьевым), способно выявить причину противоречивого характера институциональных трансформаций российского общества, в качестве которой, прежде всего, выступает разлом социального пространства.

Литература

- Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
- Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки / М.К. Горшков // Социс. – 2010. – № 12. – С. 28–41.
- Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – 212 с.
- Игнатьев В.И., Кузин С.А. Реальность как иллюзия действительности: к диагнозу состояния института образования // Философия образования. – № 3 (32). – 2010. – С. 57–65.
- Игнатьев В.И. Системно-генетическая динамика социума: монография / В.И. Игнатьев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. – 296 с.
- Игнатьев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатьев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – 308 с.
- Игнатьев В.И., Степанова А.Н. Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского

университета. Сер. 18 Социология и политология. – № 3. – 2010 – С. 91–104.

Каневский П.С. Проблемы российской модернизации: элиты, общество, мировой кризис // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 18–33.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.

Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко. – М.: Наука, 2007. – 685 с.

Сорокин П.А. Система социологии. – Т. 2. – 1920. – 482 с.

Bourdieu P. Espace social et genese des classes // Actes de la recherche en sciences sociales. – № 52/53. – 1984. – P. 3–14.

Giddens A. The Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives / A. Giddens. – London, 2002. – 104 p.

Ignatyev V. The Virtual Social Action: Social World System Collapse or New Social Order? // Future Moves. Markets, Politics, and Publics in Global and Comparative Perspective. – XVII World Congress of Sociology, Gothenburg, Sweden, 11–17 July. – 2010. – P. 47–48.

Lash S. Critique of Information / S. Lash. – London, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 2002. – 306 p.

Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung // G. Simmel Gesamtausgabe. Bd 11. Frankfurt a. M.; Surkamp. – 896 p.